

Искандер Муратов

ГАБРИЭЛЬ МАРИЯ

*"Когда придет
на все придет
в одиночестве.
Молока у каждого
человека она своя.
Главное не сломаться
перед этой
неизбежностью."*
И.М.

ПОМШАНТ
ПРЕМИИ
"ПИСАТЕЛЬ ГОДА 2016"
"ПАСЛЕДНЕ"

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Искандер Муратов Габриэль Мария. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21160787

ISBN 9785448317507

Аннотация

Две судьбы. Две линии жизни. В перипетиях совершенно разных дорог встречаются старый Альфред, который маленьким мальчиком прошёл весь ужас Освенцима, проживший одинокую жизнь и под старость решившийся на эвтаназию, и проститутка по имени Мари. Каждый проживает свою жизнь, прожигая её день за днём. Никто из них даже не подозревает, какую роль в жизни друг друга уготовила для них судьба. Да и в целом разные судьбы, разные истории, но одна истина: умение любить и сострадать...

Содержание

Габриэль Мария	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Габриэль Мария

Сборник рассказов

Искандер Муратов

© Искандер Муратов, 2018

ISBN 978-5-4483-1750-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отдельная благодарность за предоставление своей фотографии замечательной и очень талантливой актрисе Московского драматического театра имени А. С. Пушкина Анастасии Лебедевой.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящаю маме, Д. М.

Самое жестокое одиночество – это одиночество сердца.

Пьер Буаст

Переиздание

Габриэль Мария

Канун Рождества, Брюссель, 2012 год

Он лежал полуобнаженным на кровати и смотрел на меня своими красивыми, жгуче-черными глазами, обрамленными густыми и длинными ресницами. Я очень редко встречала мужчин с таким выразительным взглядом. Он был невероятно хорош собой. Когда он обнимал меня своими большими сильными руками, я растворялась в нем вся без остатка. Он накрывал меня своими массивными плечами, словно морская волна. Казалось, они защитят меня и укроют от самых больших бед и потерь. Но я прекрасно понимала, что он – это всего лишь иллюзия, мой клиент, который через несколько минут заплатит мне и уйдет. Возможно, мы больше никогда не встретимся.

– Мари – твое настоящее имя? – вдруг он обратился ко мне.

– Да, это мое настоящее имя. Тебя что-то смущает?

– ответила я, изображая безразличие, хотя его голос пьянил меня не хуже дорогого алкоголя, а мое тело еще не остыло от его ласк.

– Обычно девушки твоей профессии называют себя другими именами. Меня Петером зовут. Я живу здесь неподалеку и работаю на шоколадной фабрике, – непринужденно проговорил он, продолжая вальяжно лежать на кровати.

– Тебе пора уходить, Петер. Твой час прошел, и сейчас сюда придет Джакомо. А он не любит, когда клиенты задерживаются.

– Конечно, я сейчас уйду. Подай мне, пожалуйста, мои вещи.

Я взяла с кресла его брюки и рубашку и небрежно бросила их на кровать. Он молча встал, оделся и, уже стоя возле двери, произнес:

– Ты очень красивая, Мари.

– Благодарю. Тебе пора, – украдкой ответила я.

Он улыбнулся и вышел за дверь.

Иногда бывают такие клиенты, на которых я смотрю не как алчная проститутка на кошелек, а глазами самой обычной девушки, мечтающей о настоящей любви, которую заслуживает и желает каждая женщина. Но, как правило, мужчины, близкие к идеальным, знают себе цену и вряд ли захотят связать свою жизнь с той, через которую прошли десятки, а то и сотни мужских тел. Поэтому мои грезы как быстро загораются, так же быстро и угасают, оставляя после себя лишь приятное послевкусие хорошего французского эклера.

Сегодня канун Рождества, и я, наверное, больше уже не буду работать. Ловко стянув с себя чулки и кружевное белье, я надела уютную, по-детски простую пижаму. Мне в ней невероятно удобно и тепло. Всякий раз, надевая ее, я вспоминаю свой дом и родных, город, в котором родилась

и выросла, юность. Прошло много лет после моего переезда из Кишинева, но пижама и маленький плюшевый мишка всегда рядом со мной.

Вчера я купила большую индейку, которую сегодня буду запекать в духовке. Ко мне должна прийти моя приятельница Софи. Она француженка и тоже представительница экстраординарной профессии. У Софи есть мечта – она хочет купить себе красивую шубку за тысячу долларов. Уже долгое время она копит на свою мечту, но аренда квартиры и другие расходы все отдаляют и отдаляют исполнение ее заветного желания. Мы хорошо ладим. Мне с ней спокойно и легко. Часто мы собираемся вместе, заказываем море пиццы и пива. Болтаем, смотрим фильмы и просто неплохо проводим время. Это сложно назвать дружбой. Настоящих подруг у меня нет. Я их не завожу принципиально. Да и какие могут быть подруги среди проституток? Любимого человека у меня нет. Когда мужской трафик проходит через твою постель, ты перестаешь получать наслаждение от настоящей красоты отношений между мужчиной и женщиной. Секс постепенно превращается в работу.

Софи принесла кучу пакетов с едой и напитками. Поставив их на стол, достала из одного бутылочку виски и задорно произнесла:

– Мари, детка! Сегодня мы будем отрываться! И никто не посмеет нам мешать! Ура-а-а!

Я поцеловала Софи в щеку, и мы начали пританцовывать

от радости. Меня обрадовало ее хорошее настроение. Завтра наступит Рождество, и можно отдохнуть от работы, не думая ни о чем.

– Подожди, подожди, Мари. У меня звонит телефон.

– Телефон? Но я не слышу.

– Он стоит в режиме вибрации, – ответила Софи, доставая мобильный из кармана курточки.

– Алло, – сказала она. – Да, конечно. Я передам. Это тебя. Джакомо, – Софи протянула трубку мне.

– О боже! Что ему нужно?! – почти шепотом возмутилась я.

– Я не знаю, возьми трубку, Мари. Это же Джакомо!

С Джакомо шутки были плохи. Его слова не подвергались обсуждению, все указания, которые он давал, исполнялись беспрекословно. Поэтому я решила не искушать судьбу и взяла трубку.

– Да, Джакомо, – беспечно произнесла я.

– Привет, малышка. Не хочу портить тебе праздник, но тут поступил заказ. Клиент очень хорошо платит. По голосу похоже, что это пожилой мужчина. Он обращается к нам впервые, но по-моему, клиент «жирный». Короче говоря, собирайся и поезжай к нему. Адрес я отправлю тебе по СМС. И да, детка, ты почему не отвечаешь на мои звонки?

– А ты разве звонил? Я не слышала.

– Впредь будь внимательнее к своему телефону. Я просто так не звоню, ты знаешь. Итак, ты принимаешь заказ?

– У меня есть выбор?

– Мари, детка, выбор есть всегда. Ты можешь отказаться или можешь поехать, обслужить и вернуться домой.

– Мы собирались с Софи отмечать Рождество. И я не хотела сегодня больше работать...

– Мари, ты заставляешь меня нервничать, – ответил Джакомо. Его голос из игривого мгновенно перешел в жесткий баритон.

– Я поеду. А помоложе не было клиента, Джакомо?

– Какая тебе разница, малышка? Мы не обсуждаем возраст клиента. Или ты забыла? Пусть это будет хоть прыщавый ботан или столетний старик, твое дело обслужить, забрать деньги и свалить! Все! Меньше слов, детка, – разгневанно ответил он и отключился.

Я взяла со стола свой мобильный. На экране было два пропущенных вызова. Настроение испортилось вконец.

– Надо же, я тоже иногда забываю, что отключаю звук на телефоне.

– Что? Клиент? – уныло спросила Софи.

– Клиент. Да еще и старик к тому же. Что у нас за жизнь, Софи? Я не могу даже в канун Рождества остаться дома.

– Не переживай, солнышко. Уверена, ты быстро вернешься.

Я переключила режим на телефоне, и тут же пришло СМС от Джакомо с указанием адреса клиента. «Улица Святого Жилле, дом четыре, квартира девятнадцать», – прочла я.

Моя профессия приносит неплохой доход. Но это самое дно жизни, где твое мнение не значит ровным счетом ничего. Я снова надела на себя костюм проститутки и вылетела в ночь. В Брюсселе потихоньку начинался закат. Шумный поток машин освещался яркими лучами уходящего солнца. Ничего хорошего в этом не было. За ночь лужи и слякоть, которые за весь день солнце растопило своим теплом, примерзнут и превратятся в каток. Мне снова придется пробираться на каблуках по тротуару, покрытому ледяной пленкой. Но это потом. Сейчас у меня было единственное желание – поскорее обслужить этого клиента и вернуться домой.

Такси остановилось у четырехэтажного дома постройки прошлого века. Я вошла в подъезд и с трудом поднялась по массивным ступеням. Дойдя до нужной двери, я нажала на кнопку дверного звонка. Через какое-то время дверь открыл мужчина преклонного возраста в инвалидной коляске, но выглядевший бодро. Я подумала, что ошиблась квартирой, извинилась и отошла немного назад, чтобы сверить номер квартиры и адрес, который мне прислал Джакомо. Но ошибки не было. Мой сегодняшний клиент – старик в инвалидном кресле.

– Я не перепутала? Это квартира девятнадцать? – растерянно обратилась я к мужчине.

– А ты Мари? – с легкой улыбкой на лице ответил он.

– Мари, – потеряв всякую надежду на спасение, кивнула я.

– Проходи, милая. Не стесняйся. Меня зовут Альфред.

В какой-то миг мне захотелось развернуться и сбежать. Но бегство не спасло бы меня от гнева сутенера за сорванный вызов. Я даже на минуту не могла представить, как можно голой находиться рядом с этим мужчиной. Мне хотелось заплакать от отчаяния и безысходности.

«Ну и сволочь же ты, Джакомо! Спасибо за рождественский подарок!», – подумала я и шагнула в квартиру. Стены огромной прихожей были обклеены красивыми обоями, подобранными со вкусом. Повсюду были развешаны картины больших и маленьких размеров.

– Это копии. Я очень люблю живопись. Но, к сожалению, не могу себе позволить тратить большие деньги на покупку оригиналов. Поэтому мне приходится довольствоваться копиями высокого качества, – сказал старик, увидев, что я разглядываю картины, снимая обувь.

Мне было совершенно все равно, что висит на стенах – копия или оригинал, я хотела быстрее обслужить его, если это было возможно вообще, и уехать домой. Но Альфред не унимался и продолжал рассказывать мне об искусстве.

– Вот то, на что ты сейчас смотришь, это Марк Шагал. Слышала о таком художнике? Он российский, белорусский и французский художник еврейского происхождения. Один из самых известных представителей художественного авангарда двадцатого века. Эта картина называется «Бэлла в белом воротничке», – сказал он и, задумавшись на секунду, добавил: – В своем знаменитом белом воротничке. Это его

супруга. Он любил ее как Бога...

Старик рассказывал мне с чувственным упоением про работы Шагала, про историю его жизни. А я стояла, слушала и злилась, думая о том, как мы с Софи будем отмечать Рождество. Как только он на минуту замолчал, я улыбнулась и язвительно произнесла:

– Вы простите меня, но, может, мы уже пройдем в спальню? Я тороплюсь. Я обслужу вас и уйду.

– Да-да, конечно! Проходи! Но не в спальню пока, а на кухню. Она у меня большая. Проходи! – ответил он, указывая развернутой ладонью в сторону кухни.

«На кухню. Прекрасно. Встреча затягивается. Видимо, он хочет продолжить рассказывать мне про живопись. Вот черт!», – подумала я и прошла за Альфредом.

Кухня была действительно большая, а еще чистая и уютная. Все было расставлено по своим местам. Я обратила внимание на тюль, который висел на окнах. Он был похож на тот, что висел у меня дома в Кишиневе. Посередине кухни, почти у окна, стоял стол, накрытый по высшему разряду. В хрустальные графины был разлит компот, величественно стояла бутылка красного вина, на тарелках были разложены аккуратно нарезанные тунец, семга и форель. В центре стола красовалась запеченная индейка, посыпанная зеленым горошком.

– Вы ждете гостей? – спросила я.

– Гостью. И она уже здесь. Я ждал тебя, Мари, – сказал

Альфред, улыбаясь.

Я обернулась назад, туда, где стояло кресло старика, и постаралась разглядеть его получше. Благородно зачесанные назад седые волосы, обаятельная улыбка, хоть и на старческом лице, говорили о том, что некогда в молодости Альфред был интересным мужчиной. Он проехал мимо меня и жестом пригласил к столу. Затем вытащил портмоне и стал отсчитывать деньги.

– Я примерно знаю, Мари, сколько ты берешь за час. За ночь тариф в три раза больше, правильно? – обратился он ко мне, наконец, с вопросом, который меня интересовал больше всего последний час.

– Все верно. Но я не останусь на ночь. При всем моем уважении к вам. И сколько бы вы мне ни заплатили, я не могу задержаться у вас больше чем на два часа. Меня ждут дома, простите.

– Если я заплачу тебе пять тысяч евро? – спросил он и отсчитал из своего портмоне сумму, которую я не заработаю за целый месяц и даже за два.

Я чуть ли не поперхнулась жвачкой, от услышанного мною. Вот что значит запах денег. Как говорится: «Все, что не решается за деньги, решается за большие деньги».

– Для чего вам выбрасывать такую большую сумму на ветер? – спросила я. Сказать по правде, мне хотелось выхватить эти деньги у него из рук и убежать из этой квартиры от этого немощного старика. «Если он так разбрасывается

деньгами, значит, у него их много. Наверное, надо остаться. Тем более что в деньгах я нуждаюсь. Мне только нужно позвонить Джакомо и Софи и правильно все объяснить», – подумала я.

– Пусть вопрос моих денег тебя не беспокоит. Я повторю, если я заплачу тебе пять тысяч евро, готова ли ты провести со мной ночь? Единственное условие – ты будешь делать все, что я захочу. Естественно, не причинив тебе никакого вреда. Все только по обоюдному согласию, – произнес старик, с интересом глядя мне в глаза.

В какой-то момент мне показалось, что я разговариваю с полноценным мужчиной, одним из моих клиентов. Настолько уверенно и с достоинством держался Альфред. «Что значит, будешь делать все, что я скажу? Откуда я знаю, что у него на уме? Сексуальное рабство? Унижение? Плетки? Неужели передо мной сидит старый извращенец? Хотя чего я сейчас испугалась? Всякое бывало в моей жизни. Ведь я проститутка», – подумала я и ответила:

– Хорошо, Альфред, я проведу с вами ночь. Мне не хочется вас ничем обидеть, но я даже в мыслях не могу представить, как мы с вами будем заниматься сексом. Такой клиент, как вы, у меня впервые.

Старик выслушал меня, потом громко рассмеялся, откидывая голову назад. Наконец успокоился, перевел дыхание и медленно отсчитал из портмоне десять красных купюр по пятьсот евро.

– Мари, ты действительно думаешь, что я, вот такой немощный и дряхлый старикашка, пригласил к себе в дом проститутку, чтобы предаться с ней любовным утехам? Благодарю тебя за мнение обо мне, но оно ошибочное.

– Я не понимаю вас, Альфред. Что тогда? Вы будете просто смотреть на меня? Мне станцевать для вас? – с удивлением спросила я.

– Бог с тобой, милая. Ничего не нужно. Просто поговори со мной. Мне иногда не хватает простого человеческого общения.

– То есть за беседу с проституткой вы готовы отвалить баснословную сумму? – удивленно спросила я.

– Думай, как хочешь, – спокойно ответил он.

– Удивительно. Обычно меня вызывают совсем по другому поводу. И мало кого интересуют разговоры. Бывали, конечно, мужчины в возрасте, простите, которые уже ни на что не способны. Так они просто просили, чтобы я обнаженной полежала рядом с ними. А они, в свою очередь, трогали мое тело и этим, наверное, удовлетворяли самих себя. Они были немного моложе вас. Такой случай, как с вами, – просто провести ночь за разговорами – со мной впервые.

– В жизни всякое бывает. Я не стану спорить с тобой, Мари, – ответил Альфред.

– Поверьте, не только мужчины, но и дамы преклонного возраста иногда вызывают парней, а бывает, что и девушек... Вообще, с того момента, как я стала работать про-

ституткой, мне стало понятно, что среди людей преклонного возраста есть много извращенцев. Порою у них такие изощренные фантазии, что у меня даже язык не повернется все пересказать.

– Каждый из нас, милая, хранит в своем подсознании какие-то желания, мечты. Чаще всего, к концу жизни они так и остаются нереализованными. Но есть смельчаки, которые тратят свои последние дни и деньги на развлечения, не желая ограничивать себя ни в чем. Даже в плотских утехах. И не нам их осуждать, – сказал он, разливая вино по бокалам.

Мы подняли бокалы, и Альфред начал говорить тост:

– Все в этой жизни имеет свой смысл. Поверь, случайностей не существует. Хотя, возможно, они и есть, право, я не знаю. Вот ты сейчас, наверное, удивляешься, зачем я, старый дурак, накрываю стол, вызываю представительницу самой древней профессии на Земле, плачу ей огромные деньги, и все это для того, чтобы ты просто пообщалась со мной? Да, это все именно так. И я решил это уже давно. Когда-нибудь ты поймешь смысл сегодняшнего рождественского вечера. У тебя впереди будет много поводов для застолья. А у меня это последнее Рождество. Завтра утром я еду на эвтаназию. Ты, наверное, знаешь, что это такое? Нет? Ну и неважно. Так вот, я хочу выпить за то, чтобы все твои потаенные мечты и желания сбылись. Сбылись своевременно, в срок. Я желаю тебе обрести счастье со своим принцем, чтобы вы вместе радовались каждому восходу и закату солнца.

И прожить свою жизнь не зря. Давай выпьем за тебя, Мари!

– С удовольствием, Альфред! – ответила я.

Он был совершенно прав, я не знала, что такое эвтаназия. Вероятно, это какая-то медицинская процедура. Я вообще не понимала многое из того, что он говорил.

– Прости мне мою бестактность. Откуда ты? Сколько тебе лет? – спросил Альфред.

– Поверьте, ваши вопросы не самые бестактные, на которые мне приходилось отвечать. Поэтому не стоит извиняться. Мне почти тридцать лет, и зовут меня Брэйлиану Габриэль Мария.

– Как божественно звучит твое имя, Мари! Кто твои родители? Расскажи о себе. Да ты совсем не прикасаешься к еде. Почему? Вовсе необязательно спрашивать у меня разрешения на это. Прошу тебя, – сказал Альфред и указал на стол, приглашая к трапезе.

– Особо о себе рассказывать мне нечего, милый Альфред. Родилась я в Молдове. Корни у меня румынские. Дедушек и бабушек своих я не помню, впрочем, как и своего отца. По словам моей мамы, он был офицером и служил в Молдове. Звали его Николаем. Они познакомились на танцах, когда в моду вошли такие группы и исполнители, как «АББА», «Бони М», Джо Дассен, «Пинк Флойд» и Демис Руссос. Мама рассказывала, что он был очень красивым. Дома сохранились какие-то его фотографии, но это все. Больше ничего мы о нем никогда не слышали. Мама пыталась его разыс-

кать, конечно, даже дядю Марика отправляла на его поиски, но все было впустую. Она не успела сказать моему отцу о том, что беременна. Долгое время она и сама не знала. Ну а когда все стало известно, он уже был в Москве или еще где-нибудь. Моя мама, слава богу, жива и здорова. У меня есть младший брат Даниэль. У него скоро свадьба. Мы с мамой копим деньги. В детстве я ходила на танцы. Наверное, благодаря занятиям мне удалось сохранить красивую фигуру. Всегда хорошо училась в школе и даже поступила в Кишиневский педагогический университет на факультет иностранной филологии. Мама работала на двух работах, чтобы прокормить нас с Даниэлем. Ну а потом так сложились обстоятельства, что я на протяжении уже нескольких лет живу в Брюсселе. И мне здесь нравится, – сказала я, жуя ножку индейки, которую за разговором отрезала и положила себе на тарелку.

– А как же ты попала сюда? Ты не рассказала мне этого. Прости, что упорствую. Мне очень интересно.

– Когда училась на четвертом курсе, я как-то встретила свою однокурсницу Натали с параллельного потока. Она рассказала мне, что скоро уезжает в Брюссель работать по контракту. На то время этот город ассоциировался у меня с чем-то очень загадочным. Я читала про него только в книжках и знала о нем по фильмам. В тот день мы поговорили с ней и разошлись. Вернувшись домой, я увидела маму, которая, сторбившись и склонив голову набок, такая хрупкая, нес-

ла большую тыкву. Мне стало ее очень жалко. Я подбежала к ней, и мы вместе донесли эту тыкву домой. В тот день я иначе посмотрела на маму. Глубокие морщины на ее лице, тусклый взгляд обремененной заботами женщины, которой только под пятьдесят, не давали мне покоя. Постоянные переживания и заботу о нас, ее подрастающих детях, не в силах была скрыть никакая косметика. Именно в тот момент я поняла, что больше не могу продолжать учебу. Для чего мне диплом? Когда я и так могла разговаривать на английском и французском. Я позвонила Натали и попросила дать мне адрес фирмы, которая отправляла ее на работу за рубеж. На следующий день я поехала туда и прошла собеседование. Через несколько дней мне сообщили, что я могу ехать получать визу. Хорошо помню, как обрадовалась моя мама, когда узнала о том, что я прошла отбор. Но она не знала, что я еду работать. Ей я сказала, что выиграла грант на обучение за границей, потому что у мамы очень слабое сердце, да и она никогда бы не поняла моего поступка. Время и обстоятельства заставили меня пойти на такой шаг. Надо было поднимать семью, зарабатывать деньги. Я толком и не ощутила всех прелестей студенческой жизни. Вот так, собственно, я и оказалась здесь, в этом городе. Сначала я работала официанткой в одном из кафе, в самом центре Брюсселя. Это чудное кафе мадам Кларис. Там выпекают отменные штрудели и круассаны. В один из дней в наше кафе зашел посетитель. Позднее от девочек я узнала, что это местный сутенер Джа-

комо. Я подошла к нему и поинтересовалась, нужно ли ему что-нибудь. Он в свою очередь попросил меня присесть. Я села напротив него, и он стал восхищаться моей красотой. А потом совершенно спокойно и непринужденно предложил мне работу – стать проституткой. Назвал соблазнительные расценки за услуги и заверил, что мне не придется стоять в любую погоду на улице под фонарями. Я встала из-за стола и дала ему пощечину. На что он всего лишь лукаво улыбнулся. Я сказала ему, что мое воспитание не позволит мне выбрать такую профессию. Но, как видите, я в ней. Обстоятельства сложились таким образом, что мне самой пришлось найти этого Джакомо и пойти на его условия. Хотя, разыскать его не составило никакого труда. Он был постоянным клиентом нашего кафе.

– И каковы же были те твои обстоятельства, что тебе пришлось согласиться? – встрял Альфред в мой откровенный монолог.

– Тогда очень сильно заболел мой младший брат. Мама говорила по телефону, что все хорошо, и он поправляется. Но я понимала, что тех денег, которые я отправляла домой, не хватает. Я долго думала и выбирала между своими моральными принципами и помощью семье. На кону стояло здоровье моего братика. И мне пришлось убрать гордыню далеко во внутренний карман своей совести. В один из очередных визитов Джакомо я подседа к нему за столик и сказала, что принимаю его предложение. Он выслушал меня и,

улыбнувшись, произнес фразу, которую я вспоминаю всегда и которая до сих пор ломает меня изнутри: «Ты хорошо подумала? В этой профессии назад дороги бывают редкими!». Я ответила ему, что согласна. На следующий день мы встретились, и он передал мне ключи от своей квартирki со всеми удобствами в центре города. Как это обычно и бывает, моим первым клиентом был он сам, затем его друзья. В свой первый день работы проституткой я поняла, что мои мечты и надежды умерли. Я горько плакала той ночью. Мне было очень больно и физически, и морально. Я не найду слов, чтобы описать все, что чувствовала тогда. Потом пошли обычные клиенты с улицы. Я стала привыкать. Иногда в день мне приходилось открывать по две пачки презервативов. А были и такие, которые пытались нагло изнасиловать меня, совершенно не предохраняясь. В такие моменты я нажимала кнопку вызова наших охранников. Мне было очень стыдно делать все то, о чем просили эти извращенцы. Я до конца не понимала, что происходит со мной. У меня так и не получилось свыкнуться с мыслью, что я проститутка и то, что я делаю, – это просто моя работа. Наступали моменты, когда от боли и отчаяния я готова была даже повеситься. Но всегда образ моей семьи, которая нуждалась в моей поддержке, стоял перед глазами. И это спасало. Кстати, Джакомо оказался неплохим человеком. Он относится к нам с уважением и никогда не позволяет нас унижать. За это я ему благодарна. Вот и вся история девочки из провинции, – закончила я

с усмешкой.

Альфред молча слушал. И, как только я закончила свой рассказ, он задал мне вопрос, от которого меня бросило в жар. Но, тем не менее, я ответила на него, потому что, мне показалось, у меня было хорошо и спокойно на душе. Мне приятно было провести вечер за беседой с этим пожилым мужчиной. Давно я не выворачивала душу наизнанку, оголяя все свои сердечные кровоточащие раны и переживания.

– Я ни в коем случае не осуждаю тебя и твою профессию. Каждый из нас сам выбирает свою дорогу. И у каждого из нас свои мотивы поступать так или иначе. Скажи мне, ты умеешь еще любить? Любить по-настоящему?

– К сожалению, за все эти годы через меня прошло слишком много мужчин. И я уже не знаю, способна ли я на такое чувство или нет. Точно знаю одно, что любить нужно не за красоту тела. Это проходящее. В человеке нужно полюбить душу. Родственную душу. Сегодня сложно встретить именно своего человека. Свою половину. В моем сознании есть образ мужчины, которого я любила. Это было давно, в юности. Но он до сих пор остается в моей памяти как первая любовь. Я согласна с высказыванием, не помню, где и когда я его прочла или услышала, что любовь бывает единожды, а все остальное лишь ее тени. Я не знаю счета всех мужчин, которых обслужила. И как вы думаете, после всего, что вы сейчас услышали, я все еще способна на любовь? Могу ли я приблизить мужчину не к своему телу, а к душе?

– Конечно, способна, девочка моя! Идем, я тебе кое-что покажу. Поднимайся, – вдруг неожиданно сказал Альфред.

Мы вышли в коридор, и он свернул в комнату, по виду напоминающую спальню. Казалось, время в этой комнате остановилось много лет назад. Спальня была нежилой. Она была роскошно обставлена, но не чувствовалось жизни. Идеально заправленная кровать, по обеим сторонам которой стояли большие торшеры в виде индийских слонов. На полу лежал огромный ковер, краски которого выцвели со временем, и он смотрелся нелепо на общем фоне изысканной спальни.

Альфред заметил мой взгляд, задержавшийся на ковре, и сказал:

– Ты сейчас думаешь, Мари, о том, как ковер портит вид спальни, не так ли? Но прежде чем ты выскажешь свои мысли, я скажу тебе, что это самый настоящий персидский ковер. Ему более ста лет, я привез его из археологической экспедиции, когда мне было тридцать с лишним. Сейчас мне семьдесят семь лет. То есть он лежит на одном месте без малого сорок лет. А теперь идем в другую комнату, – сказал он и выехал снова в коридор.

Это была детская. Комната была обставлена детской мебелью, а стены обклеены обоями с изображением разных сказочных персонажей. Он никак не комментировал эту красивую комнату, просто дал мне насладиться ею. Через несколько минут я не выдержала и сказала:

– Вашим детям повезло провести свое детство в таких

условиях.

Но Альфред упорно молчал. Он развернулся и снова выехал в коридор. Следующее, что предстало перед моими глазами – зал. Но комната была не совсем похожа на зал в представлении каждого из нас.

– Это комната, в которой я провел всю свою жизнь. Это мой кабинет, гостиная, спальня, моя земля обетованная, мой ковчег, мое пристанище. Это место, в котором я забывал, что такое одиночество и часто спасался от пагубных мыслей. Прощался со своими мечтами, которым не суждено было сбыться. Прошу, – сказал он, и я вошла первой.

Я была поражена величием комнаты. На стенах в деревянных рамках висели научные плакаты, копии картин. В центре комнаты стоял большой глобус на ножках в виде таких же слонов, что я видела в спальне. В углу комнаты расположился рабочий стол. Он был завален книгами и разными бумагами, среди всего этого проглядывался компьютер. Напротив стола висел плоский телевизор. Огромные кожаные диваны у стен дополняли роскошь комнаты. Меня поразила небольшая кровать, напоминающая раскладушку в дальнем углу комнаты. «Неужели он на этом спит?» – подумала я, но вслух произнесла:

– Настоящий кабинет археолога. Все говорит о том, что здесь проводит время человек науки. А кто же наводит порядок во всей этой квартире?

– Есть служба, ребята из которой приезжают и убирают

раз в неделю. Неплохая, кстати сказать, служба. Не первый год пользуюсь их услугами.

– Вы знаете, Альфред, мне всегда нравились ученые. Ведь если бы не люди вашей профессии, нам не удалось бы узнать, что такое Пирамиды, Троя, Майя. А нахождение следов древнеримской Помпеи открыло доступ к познанию древней цивилизации.

– Я смотрю, ты неплохо осведомлена в области истории, Мари, – улыбаясь, сказал Альфред.

– Да, я увлекалась историей. Еще я помню из школьной программы, что на протяжении веков Илиада из поэмы Гомера была не более чем миф. Начатые в пятидесятых—семидесятых годах девятнадцатого века раскопки увенчались успехом, и было решено продолжить исследования. Так было найдено подтверждение существования Трои.

– Девочка моя, да ты же молодец! Видишь, ты можешь быть совсем другим человеком! Ну а теперь, Мари, давай вернемся на кухню и будем пить чай с печеньем, и вернемся к нашему разговору, – подмигнул мне Альфред.

Я ничего не ответила, только улыбнувшись, вышла из комнаты. Альфред вернулся к столу, а я по-хозяйски подошла к плите и поставила чайник. Дождавшись, пока он закипит, ни Альфред, ни я не проронили и слова. Каждый думал о своем, пока я не разлила чай по чашкам. Сделав глоток, Альфред начал свой рассказ:

– К сожалению, Мари, у меня нет детей. Я несчастный че-

ловек в прямом смысле этого слова. Всю свою жизнь я привозил красивые вещи из командировок. Старался украсить этот дом, создать в нем уют. Даже постарался с любовью обставить детскую комнату. А все потому, что я мечтал и надеялся на то, что еще не все потеряно. Верил, что смогу найти свою любовь, как Марк Шагал встретил свою Бэллу и любил ее всю жизнь. Создать семью и обзавестись детишками. Но, как видишь, я опоздал, или счастье обошло меня стороной.

– Да, я не спорю, дети – это счастье. Но ведь у вас есть крыша над головой, вы много поездили по миру. Вам есть что вспомнить! – не скрывая своего возмущения, ответила я.

– Конечно, но, поверь, это не главное. Это мелочи в сравнении с тем, когда тебя окружает твоя семья. Я сейчас, не раздумывая ни минуты, променял бы все это на лачугу где-нибудь на краю Земли, но только чтобы рядом со мной были родные и близкие. Чтобы нянчить внуков и водить их в школу, когда-нибудь даже погулять на их свадьбе. Всю свою жизнь я провел в экспедициях. У меня было множество коротких, ни к чему не принуждающих романов с красивыми женщинами. Так и проходила жизнь. И только к сорока годам я стал задумываться о семье. Но из-за плотного графика у меня не было возможности серьезно приглядеться к кому-то. И в этом нет ничего особенного. Таких, как я, миллионы. Они всю жизнь работают, веселятся и не думают о последних годах своей жизни. Они уверены, что жизнь длинна и бесконечна! Глупцы! О, как же стремительно про-

носится жизнь! И как скор ее конец! Мы живем так, словно наша жизнь – это черновик и у нас еще будет время переписать все на чистовик! Оказывается, старость наступает мгновенно, и люди остаются ненужными никому. Одиноко доживают век у себя в квартире или в доме престарелых. Мари, только посмотри, как забавно устроена жизнь! Мы начинаем ее в детском саду, где нам дают кашку, потому что у нас еще не окрепли зубки. Мы сидим за столом вчетвером. И потом через целую жизнь многие из нас снова встречаются вчетвером за столом, только уже в доме престарелых. И снова едим ту же кашку, только уже потому, что у нас нет зубов. И в начале жизни, и под конец нас окружают воспитатели. Очень страшно, Мари, одиноко умереть у себя в квартире и лежать до того момента, пока соседи не поднимут панику, когда почувствуют запах разлагающегося трупа, или служба уборки не придет и не обнаружит твое уже окоченевшее тело. Нет, я так не могу. Поэтому я решил на эвтаназию. Я уйду тихо. Один укол – и тебя уже нет. Был и нет. Со мной уйдет все то, что я пережил на своем веку: мой смех, мои горечи и печали – все это уйдет со мной на небеса! – закончил Альфред, и на его глазах выступили слезы.

И тут я поняла, что такое эта «эвтаназия». Черт бы меня побрал! За весь вечер я только сейчас поняла, что означает это зловещее слово!

– Альфред, простите, но неужели во всем мире у вас никого нет? Ведь должен же быть кто-то. Так не бывает, чтобы

человек был абсолютно одинок.

– Ты, вероятно, думаешь, что таких людей, как я, единицы? У кого на старости лет нет никого? Их предостаточно. Поверь мне на слово. Я не лукавлю. Во время Второй мировой войны моих родителей сожгли заживо в газовой камере в концлагере фашистов Биркенау, в Освенциме. И если бы не русские войска, я бы тоже погиб. До сих пор вспоминаю ужас того времени. Никогда не забуду день, когда моих родителей в лютый холод голыми увели на моих глазах в сторону газовой камеры. Мне тогда было лет восемь. Я отчетливо помню, как солдаты гитлеровской армии толпами опраивляли людей на смерть. Моя мама со словами: «– Мальчик мой, мы вернемся скоро, побудь с дядей! Мы с папой любим тебя!», вовремя успела подсунуть меня русскому пленному. Тогда я не понимал, что с нами происходит. Я слышал страшные крики ни в чем не повинных людей, стариков и детей. О боже, эти крики я не забуду никогда! Русский пленный что-то говорил мне, старался всячески успокоить меня, но я не понимал его, так как не знал языка. Я благодарен ему за то, что он спас мне жизнь и не отверг просьбу моей матери о помощи. Через два дня из щелей барака, в котором нас держали, стали доноситься голоса немецких солдат. Люди начали оживать, и кто-то из толпы, понимающий немецкий язык, сказал, что советские войска на подходе и скоро мы будем освобождены. Немцы начали торопиться. Я видел лица плачущих стариков, женщин и детей. Но не суждено бы-

ло сбыться их надеждам на спасение. Дверь барака распахнулась, и немецкий солдат открыл огонь по нам. Народу было много. Русский пленный успел накрыть меня своим телом так, что ни одна пуля меня не достигла. Но я хорошо помню, как бился в агонии мой ангел-хранитель. Я боялся шевелиться, понимал, что должен затаить дыхание для того, чтобы спастись. Я пролежал под телом убитого солдата несколько часов. Все это время я тихо плакал, искал в тишине голоса моих родителей, я не верил до конца, что их больше нет, я звал их шепотом... Я все еще надеялся, как подойдет мой отец, поднимет меня на руки и скажет: « – Альфред, это всего лишь кошмарный сон, мы сейчас пойдем домой... » .

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.